

Научная статья
УДК 572.025
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-4/121-131>

Современные охотники за мамонтовым бивнем Якутии: поверья и практики взаимодействия

Айталиа Родионовна Федорова
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия;
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия, aytap@mail.ru

Аннотация: В данной статье изучается современное состояние мамонтового промысла в Республике Саха (Якутия). Новизной исследования становится использование полевых материалов интервью от непосредственных участников данной индустрии. Добыча мамонтового бивня существует на Севере Якутии уже более трех столетий, но во второй половине 90-х годов XX века получает новый виток развития в связи с принятием Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения и запретом торговли слоновой костью. Мамонтовый бивень – исчерпывающийся ресурс, вокруг которого не сложились еще устойчивые правовые отношения. Все это породило возникновение полутеневого рынка мамонтового бивня, в котором принимают участие множество жителей крайнего Севера. Результатами исследования можно обозначить ввод новых научных источников в виде полевых материалов, формирование общего обзора на данный вид деятельности, а также описание и иллюстрацию обряда проводимого при добыче мамонтового бивня. Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН № 13.ЦКП.21.0016.

Ключевые слова: мамонт, добыча мамонтового бивня, Арктика, обычаи Севера, мамонтовый промысел, Чычпыккаан

Для цитирования: Федорова А.Р. Современные охотники за мамонтовым бивнем Якутии: поверья и практики взаимодействия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 4. С. 121–131. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-4/121-131>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-4/121-131>

Modern mammoth tusk hunters of Yakutia: beliefs and practices of interaction

Aitalina R. Fedorova
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia;
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, Yakutsk, Russia, aytap@mail.ru

Abstract: This article studies the current state of mammoth hunting in the Republic of Sakha (Yakutia). The novelty of the research is the use of field materials of interviews from the direct participants of this industry. Extraction of mammoth tusk has existed in the North of Yakutia for more than three centuries, but in the second half of the 1990s of the twentieth century gets a new round of development in connection with the adoption of the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora and the ban on trade in ivory. Mammoth tusk is an exhaustible resource, around which stable legal relations have not yet been formed. All this has given rise to the emergence of a semi-shady mammoth tusk market, in which many residents of the Far North participate. The results of the research can be designated by introduction of new scientific sources in the form of field materials, formation of the general review on this type of activity, and also description and illustration of the ritual carried out at extraction of a mammoth tusk.

Key words: mammoth, mammoth tusk mining, Arctic, customs of the North, mammoth hunting, Chyчпыккаан

For citation: Fedorova A. R. Modern mammoth tusk hunters of Yakutia: beliefs and practices of interaction // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 4. P. 121–131. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-4/121-131>

На севере современной Якутии существует специфичный промысел – добыча мамонтового бивня. Изначально он сложился после вхождения Якутии в состав Московского государства и развился до своих пределов к XIX в. Сегодня, когда рынок слоновой кости стал недоступен, этот промысел снова становится актуальным, активно развивается и живет на Севере Якутии, формируя экономические, социальные и даже культурные отношения в регионе.

В данной статье исследуется современное состояние мамонтового промысла, в частности, репрезентация его через людей, чья жизнь, календарные циклы и доход зависят от этого зверя – добытчиков мамонтового бивня. Стоит отметить, что данный вид деятельности – это не до конца урегулированная сфера, которая юридически является подконтрольной, но по факту местными сообществами она часто вводится в зону неформального природопользования, в том самом виде, в котором представляют его в своих исследованиях Давыдов В.Н. [8] и Клоков К.Б. [14].

Нами в качестве информантов были выбраны люди, которые временно или регулярно являлись участниками этого промысла. На наш взгляд, изучение данного вопроса необходимо проводить изнутри, а использование полевых материалов становится новизной данной работы. В процессе исследования в 2020–2021 г. было проведено 3 глубинных интервью и опрос 12 респондентов – жителей костеностных районов Республики Саха (Якутия). Довольно серьезные трудности пришлось испытать при поиске информантов готовых ответить на наши вопросы, многие потенциальные респонденты не изъявляли желания рассказывать о своем деле подробно, поэтому все собранные для статьи материалы представлены анонимно.

Тема современной добычи ископаемой мамонтовой фауны в научной литературе часто затрагивается в контексте правового регулирования. Спорное состояние данного промысла порождает множество вопросов для обсуждения в научном сообществе, так эта тема была раскрыта в работах Кириллина Н.Д. [12; 13], а также в коллективном труде Смирнова А.Н., Кириллина Н.Д., Ивановой Ю.В., Журиловой М.А. [32], в работе Белолюбской Г.С. [2] и Потравного И.М., Протопопова А.В. и Гассий В.В. [24]. Состояние и развитие добычи мамонтовой фауны в арктической зоне Якутии в конце XX в. было изучено Григорьевым С.А. [7]. Этнографические аспекты восприятия мамонтовой фауны в традиционных обществах также становились предметом изучения. В трудах А.Л. Заики [10], И.В. Иванова [11], А.Ч. Марры, Е.Н. Машенко [18] и Ю.Б. Серикова, А.Ю. Сериковой [28] были рассмотрены традиционные фольклорные образы и донаучные представления людей о мамонтах. Что касается изучения процесса данного промысла и осмысления современных внутренних верований и обрядов, то ранее подобных работ не проводилось, что делает настоящее исследование еще интереснее в научном плане.

Якутия с XVIII в. являлась одним из центров добычи и дальнейшего распространения мамонтового бивня как ресурса для декоративно-прикладного искусства. Бивень мамонта становится одним из ключевых экспортируемых товаров наряду с пушниной, а к концу XIX в. Российская империя занимает первое место по экспорту на мировой рынок мамонтовой кости, большая ее часть привозилась из северных районов Якутии [21, с. 36]. При этом стоит отметить, что в погребальных памятниках якутов до XVIII в. изделия из мамонтового бивня использовались редко, что, судя по всему, свидетельствует о том, что данный материал не был входу у якутского традиционного общества [25, с. 110–115] и стал использоваться чаще только после присоединения территории Якутии к Московскому государству. И даже после активного внедрения этого промысла в экономическую и культурную жизнь, которое сопровождалось развитием косторезного искусства в регионе, изделия из бивня мамонта долгое время имели исключительно коммерческую ценность и не использовались в повседневном быту [26]. Поэтому, когда речь пойдет о духовных воззрениях, стоит учесть, что у якутов имелся комплекс традиционных представлений о мамонте [34], которые могут отображаться в современном отношении к этому зверю в целом, но отсутствуют свидетельства о традиционной добыче и связанной с ней обрядности.

После бурного развития в имперский период мамонтовый промысел затухает в советскую эпоху. Существуют данные, что в Якутии в 1923 г. потребсоюз "Холбос" заготовил 56,7 пудов кости [6]. Но обширных материалов о государственном освоении этого промысла до конца 1970-х не имеется, а респонденты рассказывают, что по словам их старших родных раньше данное дело популярности не имело: "Дед 30-х годов рождения, который работал пастухом, рассказывал, что в 60–70-ые никто этим не занимался и бивни валялись как грибы" (ПМА, Респондент 2. Из архива автора)¹. Особенно интересно эта ситуация выглядит, если вспомнить, что освоение Севера и исследования пространства Арктики было одной из геополитических целей советского государства. Благодаря наследию Российской империи в советское время было приложено много усилий для колонизации и освоения арктического региона, который казался неисчерпаемо богатым и неосвоенным пространством. С одной стороны, после революции мамонтовая промышленность резко сократилась из-за национализации почти всех частных предприятий,

¹ ПМА – полевые материалы автора

ослабления международной торговли и отсутствия в новой стране конечного потребителя изделий из мамонтового бивня, с другой стороны, в советское время все еще существуют школы резьбы по мамонтовой кости [31] и начался активный процесс изучения палеофауны.

Контент-анализ региональной прессы советского периода на якутском и русском языках показывает, что вопрос добычи мамонта до 80-х гг. XX в. поднимается только в научном ключе. Тем не менее 20 мая 1971 г. постановлением Совета Министров Якутской АССР № 233 были объявлены охранными зонами территории крупных местонахождений мамонтовых бивней и костей на территории Аллаиховского, Булунского, Нижнеколымского и Усть-Янского районов. А вот в конце 1980-х в местной публицистике появляется достаточно тревожный цикл статей, содержащий возмущение местных жителей работой на Севере Якутии с 1979 г. ленинградского производственного объединения "Северкварцсамоцветы", с которым Совет министров Якутии заключал договора на недропользование до 1994 г. [3, с. 3; 4, с. 6; 22, с. 3; 19, с. 2; 33, с. 4]. Такой всплеск активности, по всей видимости, тесно связан с принятием в 1973 г. Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), вступившей в силу 1 июля 1975 г. [15], по которому был введен мораторий на добычу слоновой кости. Принятие данного документа и новый виток развития мамонтового промысла Якутии явления синкретичные, так как мамонтовый бивень – альтернатива, которая пока была не обременена ограничительными нормами.

После прекращения деятельности ленинградской компании эта сфера была освоена не сразу. В 1990-е добыча мамонтовой кости ещё не носила массовый характер. Особые климатические условия региона, транспортная недоступность, отсутствие техники и капитала не позволяли освоить этот бизнес слишком быстро. Уже в этот период начинают приниматься меры по регулированию данного промысла как на федеральном, так и на региональном уровнях. Более подробное исследование данного вопроса производится в работах Григорьева С.А. [7] и Белолюбской Г.С. [2].

На сегодняшний день эта индустрия носит частный характер. Современная добыча ископаемой мамонтовой кости – трудоемкая и финансово затратная деятельность. Поиски начинаются с прохождения ледохода и продолжаются до наступления зимы – сезон продолжается примерно с мая-июня по сентябрь-ноябрь: "Как только лед тронулся, с этого времени начинают и почти до ноября. Когда моют водой и она (*вода – прим. авт.*) начинает превращаться в лед, тогда и прекращают" (ПМА, Респондент 2. Из архива автора). Сама длительность экспедиции зависит от результативности: "Можно на четыре месяца, можно на один – как повезет. Иногда можно и за месяц много найти, и три месяца ничего не делать. Некоторые за месяц все находят и сразу уезжают" (ПМА, Респондент 1. Из архива автора).

В материалах интервью респонденты отмечали, что подготовка к сезону может начинаться и зимой. До того, как начнется ледоход бригады намечают места предстоящих работ и могут оставить на местности материалы, топливо или какие-то инструменты: их отвозят и ставят на высокое место примерно до паводка и привязывают к дереву. При этом другие искатели, которые также могут готовиться к будущим выездам не трогают оставленные другими вещи и ищут себе места для поисков подальше. Это интересная практика, которая, на наш взгляд, показывает некоторую солидарность и даже некий принцип редистрибутивного распределения благ.

Как правило, для экспедиции в бригаду кооперируются 5–6 человек, так как выезд требует финансовых вложений и подготовительные работы начинаются заранее. Респонденты сообщают, что в местах поиска бочка бензина стоит около 10 тысяч, такое количество расходуется примерно за три дня. В итоге для проведения работ требуется достаточно большой объем топлива, транспортировкой которого занимаются заранее зимой на снегоходах. По этой причине местные предпочитают кооперироваться в группы, это позволяет совершать выезды на более длительный срок. Также интервьюируемые указывали, что выезды группами гарантируют безопасность: "Если ты один, то пока ты моешь (прим. оmyваешь для поисков мотопомпой почву) может в аппарате закончиться бензин, и сухая помпа может сгореть. И, например, один человек

мает дыру, второй контролирует помпу. А один с шилом может ходить" (**ПМА, Респондент 2. Из архива автора**).

По данным респондентов в костеностных улусах этим бизнесом занимается большинство мужчин: "Ну, летом людей с машинами нет, все уезжают. У кого есть техника занимаются этим. Так только выживают", "В летнее время в деревне живого человека нету, все в лесу. Они зарабатывают, жены и дети понимают. Там на Севере летом делать нечего, ну рыбачить можно, сенокос, немного сельское хозяйство. Поэтому все добывают" (**ПМА, Респондент 2. Из архива автора**). По данным Министерства промышленности и геологии Республики Саха (Якутия), на 2021 год всего по республике с 2016 г. официально различными юридическими и физическими лицами было получено 869 лицензий на недропользование сроком на 4–5 лет [27]. Причем всего недропользователей в реестре указано 175 единиц, что составляет примерно в среднем около 5 лицензий на участки на одного недропользователя.

Большинство опрошиваемых указывало, что попали в этот промысел по экономическим соображениям: "Чтобы прокормить своих родителей", "Безработица доводит", "Жизнь заставила", "Раньше бивни видел, когда олениводом и рыбаком был, работы нигде нету" (**ПМА, опрос. Из архива автора**). В целом интервьюируемые показывали положительное отношение к данной деятельности и смотрели на нее как на хороший способ заработка. Социально-экономические проблемы Крайнего Севера ставят вопросы заработка выше экологических или юридических принципов. В основном данной деятельностью занимается местное население, приезжие (из других улусов республики или страны) если и работают, то в кооперации с местными, так как для поисков нужна длительная подготовка, правильная ориентация в местности и знание костеностных залежей. По словам респондентов, попасть в данный бизнес просто нельзя: "Обязательно нужен знакомый человек на местности, который знает местность. Как вариант у нас в район приезжают люди, конечно, из других районов, но все равно под процент. Там немалые деньги нужно вложить, чтобы заниматься этим", "Деньги нужны. Нужно заранее договариваться. Там все поделено. Тебе нужно знать, в каких местах ходить. Нельзя выйти из дома и начать искать" (**ПМА, Респондент 2. Из архива автора**).

Таким образом, преимущественно из местных жителей сначала формируются группы по принципу близкого знакомства. По данным наших респондентов, как правило, одни и те же люди ежегодно вовлечены в эту деятельность, но определенная сменяемость присутствует, так как выезды требуют больших физических и финансовых затрат. Весной-ранним летом, после того как транспортное движение по рекам становится доступным, начинается сезон, который может длиться до первых осенних заморозков. Длительность выезда для каждой отдельной бригады может быть разной и зависеть от эффективности. Поиски происходят, как правило, вдоль русел рек, у болотистых мест и обрывов – натуральных и искусственных (деформированных при омовении мотопомпами) местах деградации вечной мерзлоты, которые обнажают хорошо сохранившиеся экземпляры бивней. После удачной экспедиции вся дальнейшая деятельность связана с процессом продаж и перекупок добытых бивней, сложные и многослойные механизмы которых являлись бы материалами для отдельного исследования.

Переходя к вопросу о духовных практиках, связанных с добычей мамонтового бивня, нельзя не дать справку о некоторых традиционных представлениях якутов о мамонте. Исследователи связывают с мамонтом мифологическое существо из якутской культуры – Дьыл огуса (Быка зимы), с ростом рогов которого крепчали морозы, а весной с потеплением поэтаном Бык зимы теряет свои рога, а затем и голову, что символизирует окончание долгой зимы [16, с. 12]. По данным А.Ф. Миддендорфа, мамонт, по рассказам якутов, имел огромные размеры и относился ими к числу рогатых животных. Его присутствие в воде особенно заметно зимой, когда он своими рогами задевал лед на реке, который при этом трещит и ломается. Мамонт считался у якутов духом-хозяином воды [20, с. 821; 23, стб. 1787; 29, с. 128]. А по словарю Э.К. Пекарского слово "мамонт" переводится на якутский как "уу огуса" (водный бык). Весьма интересным также является перевод слова "бивень" – "уу огусун муоса" (рог водного быка), где слово "муос" в прямом переводе означает "рог" [23, стб. 1635]. В якутской традиционной культуре образ мамонта был

Рис.1. Обряд очищения бивня

Fig.1. Rite of cleansing a tusk

Источник: Рисунок автора.

Source: Drawing by the author.

весьма расплывчатым. Они имели слабое представление о его морфологии и возводили его облик вокруг бивней, которые они находили и, по всей видимости, принимали их за рога. Потому и возник образ гигантского быка, а поскольку бивни часто находятся у болотистых местностей или на берегу рек, то бык этот превратился в водного обитателя. Можно отметить, что якутский образ мамонта, по всей видимости, сложился под влиянием представлений о нем у циркумполярных народов Якутии. Это хтоническое начало, которое отображается в образе фантастических существ, основой которых стали останки мамонтов, их связь с водным пространством, близость к шаманскому культу и т.д. Более подробно традиционные представления народов Якутии о мамонте рассмотрены нами ранее [34].

Возвращаясь к современности, по данным полученного нами материала можно выявить несколько особых категорий современных духовных представлений о мамонте и его добыче. В первую очередь это проведение ритуальных практик: как перед процессом добычи, так и непосредственно в процессе эксгумации. По сведениям других авторов, сборщики мамонтового бивня проводят ритуалы "кормления" молоком, творогом, рассыпают бисер и т. д. [9, с. 415]. Тут стоит добавить, что обряды кормления огня, земли, духов местности – это универсальные ритуалы, сопровождающие бытовую жизнь, как этнических якутов, так и коренных народов Якутии, которые являются частью практически всех промысловых мероприятий, будь то охота, рыбалка, сбор ягод и др. Эти культовые действия – часть традиционного мировоззрения, по которому человек должен умиловить духов и получить у них благословение.

Более специфичным и, пожалуй, самым интересным можно назвать обряд, который проводят непосредственно при нахождении бивня. Респонденты (этнические якуты) описывают его примерно так: найденный в земле бивень перед тем, как вытащить на поверхность пропускают через венок, собранный из ветки дерева сомкнутой в кольцо, после этого обряда бивень можно выта-

щить из ямы, а ритуальный веночек остается в земле вместо него (рис. 1). Данное действие проводится один раз и для каждого найденного бивня следует соорудить свой веночек, при этом не важно, из какого дерева он будет сделан. Интересно, что по данным интервьюируемых, подобный обряд является достаточно популярным. Респонденты считают, что его используют часто, и, проходя мимо вскопанного места, можно определить, сколько в нем было найдено бивней.

Данный обряд вызывает особый интерес, так как в целом он выглядит достаточно целостным и продуманным, в нем чувствуется функциональное предназначение, но при этом он не похож на все знакомые нам и используемые якутами обычно обряды. Если мы обратимся к этнографическим данным, то выявим, что большая часть якутских обрядов, касающихся очищения, проводятся как правило при помощи огня или окуривания.

Если попробовать поискать аналогии или хотя бы обряд, который хоть косвенно мог бы вдохновить на формирование такого нового, то можно обнаружить схожесть с обрядом очищения охотников "Чычыпкаан". По описанию Г.М. Василевич его использовали эвенки Якутии [5, с. 229], а также северные якуты по данным И.С. Гурвича [30, с. 78–80]. Этот обряд проводился, если охотник терпел длительные неудачи в охоте, нарушал некие табу и нуждался в очищении и призывании удачи обратно. Для действия строилось антропоморфное сооружение из жердей, которое является идолом божества. Нижняя часть идола, которая изображает ноги строится длиннее, чтобы под ними мог пройти человек. Чычыпкаан украшают лентами, разводят перед ним костер, обмазывают идол кровью и кормят костер маслом и конским волосом. Охотник, ради которого проводят этот обряд должен пройти между ног идола, тем самым очищаясь. Сегодня этот обряд в немного измененном виде часто используется и не только охотниками, но и во время народных празднеств.

Определенно, обряд с бивнем и Чычыпкаан функционально разные и несут немного различные функции, различается и форма их проведения, но в целом в обоих обрядах используется некая замкнутая форма, которая является символом очищения и как бы перехода в другое пространство или цикл. Если смотреть на обряд с мамонтом в контексте традиционного мышления, то мамонт – это "мертвец", который вновь возрождается в этом мире уже в другом состоянии. И если обряд "Чычыпкаан" очищает охотника от неудач или нарушенных запретов, то обряд с бивнем отождествляет некий переход останков мамонта из одного жизненного цикла в другой. Идея очищения через прохождение в замкнутые формы обуславливается верой в триединство мира и цикличности жизни, когда это прохождение может ознаменовать переход к новому жизненному этапу.

Таким образом, конечно, мы не можем утверждать, что обряд, проводимый с мамонтовым бивнем, имеет тесные аналогии в более древних традициях, но наиболее схож он с обрядом очищения Чычыпкаан. Возможно, данная практика – это частично дань традиции, но в любом случае этот пример показывает традиционное мышление людей, ведь проведение такого обряда равно вере в то, что жизнь циклична, а пролежавший тысячи лет в земле бивень нуждается в очищении. Что касается облика обряда, то, вероятно, он исполняется именно таким образом в том числе и за счет простоты воспроизведения. Потому сложенная в кольцо ветка – наиболее легкий и удобный способ сделать это из подручных средств, так как материал доступен, а форма удобная для использования именно к мамонтовому бивню. Интересно и то, что использованный как инвентарь веночек оставляют вместо бивня в земле, этот факт может говорить нам о некой форме обмена между человеком и природой. Один из респондентов указывал, что в их местности при нахождении бивня человек должен подарить вместо него что-то земле взамен (ПМА, Респондент 2. Из архива автора).

В данном примере мы видим интересный образец возникшей обрядности, которой не существовало ранее, но, возможно, у нее был фундамент для вдохновения. По описанию можно наблюдать, что он очень логичен, функционален и выглядит достаточно завершенным культовым действием. Очень интересно было бы попытаться поразмышлять о генезисе этого обряда, ведь возникновение такого сакрального действия не может происходить просто так. На наш взгляд, любой обряд несет за собой желание человека компенсировать

некоторое ощущение страха, неуверенности, нацелен на получение удачи или благословления некими сверхъестественными силами и базируется на вере в существование мистической связи между явлениями. Ритуал выступает как некий механизм, регулирующий или санкционирующий явления повседневной жизни [1, с. 30–33]. В данном случае он, возможно, сигнализирует о чувстве дискомфорта, желании произвести символический обмен и получить "разрешение". По данным исследования А.П. Дьяконовой 60% добытчиков мамонтового бивня признают, что происходит нарушение ландшафта, экосистемы, а другие 20% считают, что происходит потеря артефактов об истории заселения Арктики [9, с. 415]. Так, ритуал может быть создан для заполнения вакуума и уже существующие традиции адаптируются к новым социальным, экономическим, политическим условиям, трансформируются, приобретая обновленный смысл, обновленное содержание и обновленную форму [17, с. 29].

Отдельной категорией стоит выделить суеверия, которые связаны не с самим мамонтом, а с последствиями его добычи. У людей, занимающихся этим промыслом, имеется некоторый страх перенасыщения, который определенно чувствуется в их повествовании: "Если люди слишком много находят они боятся, что может что-то случиться" (ПМА, Респондент 1. Из архива автора), "Умирают некоторые, несчастные случаи бывают. Конечно, возможно потому, что время пришло, но ссылаются на это, "по-моему из-за этого" говорят" (ПМА, Респондент 2. Из архива автора). Респонденты указывали, что местное население некоторые проблемы и несчастные случаи могут ссылать на последствия добычи мамонтового бивня. Интервьюируемые говорили о сильной вере в удачу среди людей этого промысла: "Есть еще такое, что ты находишь в этом году, потом два, три нормально находишь, а потом останавливается как-то. Некоторые сами находят три-четыре года, потом берут другого человека с собой, оплачивают ему поход. Кэлбэт буолан хаалар (Перестает приходить)" (ПМА, Респондент 2. Из архива автора). При этом удачу нужно не только не потерять, но и получить. "Это как лотерея. Можешь несколько лет много находить, а на следующий год ничего не найдешь. Говорят, первый бивень только нужно найти упрямо, и если ты его нашел, то автоматически дальше находится. А если с первого раза не найдешь, то дальше и не будешь" (ПМА, Респондент 2. Из архива автора). Опрашиваемые не могут оценить масштаб добычи даже в их местности, так как, по их словам, никто не обсуждает между собой объемы, и о том, кто сколько добыл можно только догадываться. Такие суеверия носят, на наш взгляд, общечеловеческий характер и связаны скорее не конкретно с мамонтом, а с получением большой прибыли и ощущении правовой нестабильности этого бизнеса. Вообще с этим чувством, видимо, связан весь комплекс духовных представлений, существующих в этой индустрии.

Переходя к заключению, стоит отметить, что добыча ископаемой мамонтовой кости – это промысел, который прожил долгий путь со своего становления в XVII в. и до его возрождения в конце XX в новой форме, которая сложилась к середине 1990-х гг. и сегодня на Севере имеет достаточно большие обороты, часть которой происходит в "тени". Причем промысел этот имеет частный характер, этим занимаются физические лица, кооперирующиеся в бригады, а не большие компании. На сегодняшний день держится некоторый статус-кво, государство пока не торопится строить вокруг этого промысла некий формат, а жители якутского Севера относятся к нему в целом положительно, так как он иногда спасителен в условиях северной безработицы.

В целом мамонтовая индустрия сегодня представляет из себя сложную и не до конца урегулированную деятельность. Происходит она сезонно: подготовка начинается зимой, а длительность экспедиции зависит от продуктивности. Столь высокая популярность этого промысла на Севере Республики Саха (Якутия) сложилась вследствие многих социально-экономических проблем Крайнего Севера. Местные жители в первую очередь видят в нем благо, несмотря на то, что при всей своей валидности этот промысел сегодня в его нынешней форме создает ряд проблем, начиная от трудовой незащищенности ее участников, заканчивая вопросами экологии и утери научного палеонтологического ресурса.

Это сложный бизнес, требующий подготовки, финансовых вложений, большого физического труда, он построен на удаче и достаточно закрыт от простого обывателя.

Неудивительно, что вокруг этого промысла возникают свои специфические обрядовые практики и суеверия. Наиболее яркими из них можно назвать обряд очищения с венком и обмен бивня на другой предмет – это логичные и полноценные обрядовые действия, которые имеют четкий мифологизированный характер. Изучив этнографическую литературу, нами не было обнаружено точных аналогий, которыми могли быть вдохновлены эти обряды. По всей видимости это современные ритуалы, которые оказались нужны людям, так как многие жители Севера сегодня все еще придерживаются достаточно традиционных верований, а обстановка этого промысла, который строится на удаче, усиливает нужду человека в религиозной обрядности.

Также стоит отметить существование в этой сфере большого количества суеверий. При описании данного бизнеса часто респонденты озвучивают такие понятия, как "удача", "куш", "азарт", "лотерея", что, на наш взгляд, характеризует его как прибыльный, но в то же время нестабильный доход. По этим причинам внутри этого бизнеса формируются некоторые правила удержания или привлечения удачи. Примечательно и то, что среди подобных суеверий существуют и те, которые описывают последствия добычи мамонтового бивня. Так, некоторые неудачи, несчастья или болезни люди также склонны ссылать на этот промысел.

Так, формирование новых обрядов, проведение в достаточно рабочей и экстремальной обстановке культовых действий, существование большого количества суеверий – все это демонстрирует нам существующее ощущение нестабильности и "вины" (не зря вместо бивня природе нужно оставить что-то взамен). Обычно такие сакральные действия бывают нацелены на замещение чувства дискомфорта, неуверенности или страха сверхъестественным благословием. И видимо, несмотря на то, что респонденты обычно говорят об этом промысле в положительном ключе, их действия иногда показывают нам противоположное.

Литература

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 191 с.
2. Белолобская Г.С. Правовое регулирование сбора останков мамонтовой фауны в Российской Федерации // Юридические исследования. 2019. № 12. С. 1–11.
3. Бубякин Д. Не публиковать в периодической печати... // Социалистическая Якутия: газета. Якутск, 1989. 4 июня. С. 3.
4. Бубякин Д. Охота на мамонтов // Советская Россия: газета. Якутск, 1989. 16 июня. С. 6.
5. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Ленинград: Наука, 1969. 302 с.
6. Верещагин Н. К. Почему вымерли мамонты. Л.: Наука, 1979. 200 с.
7. Григорьев С.А. Добыча останков мамонтовой фауны и локальные сообщества арктических территорий Якутии в конце XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 239–246.
8. Давыдов В. Н. Неформальное природопользование на Северном Байкале: добыча биоресурсов в свободных пространствах // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 76–88
9. Дьяконова А.П. Социальный портрет сборщика мамонтовой кости // Социология. 2022. № 2. С. 411–417.
10. Заика А. Л. Образ мамонта в искусстве древних и традиционных культур Северной Азии // Вестник Омского университета. Серия "Исторические науки". 2014. № 2 (2). 95–103.
11. Иванов С. В. Мамонт в искусстве народов Сибири //Сб. МАЭ.Т. XI. М.; Л., 1949. С. 133–154
12. Кириллин Н.Д. Ископаемая мамонтовая кость - особый геокриогенный природный ресурс // Всероссийский экономический журнал "ЭКО". 2009. Том 2. № 8, С. 54–63.
13. Кириллин Н.Д. Ресурсы мамонтовой фауны в арктической зоне Российской Федерации // Экономика Востока России. 2015. № 2 (4). С. 41–44.
14. Клоков К. Б. Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах // Этнография. 2020. № 1 (7). С. 144–167.
15. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения // Веб-сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (дата обращения: 15.05.2022)

16. Легенды и сказки Севера / [сост. М.Г. Никифорова, А.Д. Попова]. Якутск: Бичик, 2018. 218 с.
17. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исследования Тувы. 2010. № 2 (6). 263–265.
18. Марра А.Ч., Машенко Е.Н. Древние слоны Евразии: легенды Севера и Юга // Природа. 2008. № 11(1119). С. 20–27.
19. Мархандаев Б. Ищите мамонтовую кость // Социалистическая Якутия: газета. Якутск, 1990. 21 июля. С. 2.
20. Миддендорф, А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 6. Коренные жители Сибири. (Окончание всего сочинения). Санкт-Петербург: изд-во Имп. акад. наук, 1878. 821 с.
21. Николаев Д.А. Из истории торговли мамонтовой костью в Якутии (XIX – нач. XX в.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 4(29). С. 35–39.
22. Пашкевич Н. О мамонтах и не только о них // Социалистическая Якутия: газета. Якутск, 1989. 13 июня. С. 3.
23. Пекарский Э. Словарь якутского языка. Ленинград: Изд. Академии наук СССР, 1925, т. 3, ч. 1, вып. 7. стб. 1635.
24. Потравный И.М., Протопопов А.В., Гассий В.В. Добыча бивней мамонта как вид традиционного природопользования // Арктика: экология и экономика. 2020. № 1(37). С. 109–121. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-1-109-121.
25. Прокопьева А.Н., Слепцова А.А. Изделия из бивня мамонта в Якутии XVIII века (по материалам погребальных памятников) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 3. С. 110–115.
26. Прокопьева А.Н., Яковлева К.М., Слепцова А.А. Украшения из бивня мамонта в якутской культуре: ретроспективный анализ и современное состояние // Genesis: исторические исследования. 2021. № 11. С. 120–132. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.11.36795
27. Реестр действующих лицензий на сбор палеонтологических коллекционных материалов с 2016 по 2021 гг. // Министерство промышленности и геологии Республики Саха (Якутия). URL: <https://minprom.sakha.gov.ru/nedropolzovanie/reestr-dejstvujuschij-litsenzij-na-sbor-palentologicheskikh-kollektsionnyh-materialov> (дата обращения: 14.09.2021)
28. Сериков Ю.Б., Серикова А.Ю. Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии // Российская археология. 2004. № 2. С. 168–172
29. Слепцов А. О. О верованиях якутов Якутской области // Изв. ВССаОРГО, т. XVII. № 1-2. Иркутск. 1886. С.119–136.
30. Слепцов Ю.А. Обычаи и обряды северных якутов – охотников (из архивного материала) / Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов. 2019. С. 78–80.
31. Слепцова А.А., Федорова А.Р. История развития образов и сюжетов в косторезном промысле якутов // Научный периодический журнал "Проблемы социально-экономического развития Сибири". 2019. № 4 (38). С. 177–180.
32. Смирнов А.Н., Кириллин Н.Д., Иванова Ю.В., Журилова М.А. Забытое полезное ископаемое российской Арктики - мамонтовая кость // Арктика: экология и экономика. 2016. № 1 (21). С. 66–75.
33. Сошенко А. Бивневая лихорадка // Маяк Арктики: газета. Тикси, 1990. № 1 [5212]. 4 января. С. 4.
34. Федорова А.Р., Слепцова А.А. Отражение образа мамонта в духовной культуре народов Якутии // Человек и культура. 2019. № 6. С. 164–170. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.6.31072.

References

1. Baiburin A.K. The Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites. St.Petersburg: Nauka, 1993. 191 p. (in Russ.)
2. Belolyubskaya G.S. Legal regulation of the collection of remains of mammoth fauna in the Russian Federation // Legal Studies, 2019, № 12. 1–11. (in Russ.)
3. Bubiakin D. Not to publish in the periodical press... // Socialist Yakutia: newspaper, Yakutsk, 1989, 4 June, p. 3. (in Russ.)
4. Bubyakin D. Hunting for mammoths // Soviet Russia: newspaper, Yakutsk, 1989, 16 June, p. 6. (in Russ.)
5. Vasilevich G.M. Evenks: Historical and Ethnographic Sketches (XVIII-beginning of XX century). Leningrad: Nauka, 1969. 302 p. (in Russ.)
6. Vereshchagin N. K. Why mammoths became extinct. Leningrad: Nauka, 1979. 200 p. (in Russ.)
7. Grigor'ev S.A. Extraction of remains of mammoth fauna and local communities of Arctic territories of Yakutia in the end of XX century // Bulletin of archeology, anthropology and ethnography, 2021, № 3 (54), P. 239–246. (in Russ.)

8. Davydov V. N. Unfamiliar nature use in the Northern Baikal: extraction of bioresources in free spaces // *Ethnographic Review*, 2019, № 4, P. 76–88. (in Russ.)
9. Dyakonova A.P. Social Portrait of the Collector of Mammoth Bone // *Sociology*, 2022, № 2. 411–417. (in Russ.)
10. Zaika A. L. The image of a mammoth in art of ancient and traditional cultures of Northern Asia // *Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"*, 2014, № 2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mamonta-v-iskusstve-drevnih-i-traditsionnyh-kultur-severnoy-azii> (accessed 17 October 2022) (in Russ.)
11. Ivanov S. V. Mammoth in the art of the peoples of Siberia // *Sb. MAE.T. XI. M.; L.*, 1949, P. 133–154
12. Kirillin N.D. Fossil mammoth bone - a special geocryogenic natural resource // *Russian Economic Journal "ECO"*, 2009, Tom 2, № 8, P. 54–63. (in Russ.)
13. Kirillin N.D. Resources of mammoth fauna in the Arctic zone of the Russian Federation // *Eastern Economics of Russia*, 2015, № 2 (4), P. 41–44. (in Russ.)
14. Klovok K. B. Between the state and the market: informal practices of nature management in Siberian villages // *Ethnography*, 2020, № 1 (7), P. 144–167. (in Russ.)
15. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml. (accessed 18 November 2021) (in Russ.)
16. Legends and tales of the North / [co-compiled by M.G. Nikiforova, A.D. Popova]. Yakutsk: Bichik, 2018. 218 p. (in Russ.)
17. Madyukova S.A., Popkov Yu.V. Sociocultural neotraditionalism: reproduction of traditions and reproduction of ethnicity // *New Studies of Tuva*, 2010, № 2 (6). 263–265. (in Russ.)
18. Marra A.C., Mashchenko E.N. Ancient Elephants of Eurasia: Legends of the North and South // *Nature*, 2008, № 11(1119), P. 20–27. (in Russ.)
19. Markhandaev B. Look for a mammoth bone // *Socialist Yakutia: newspaper*, Yakutsk, 1990, July 21, p. 2. (in Russ.)
20. Middendorf A.F. Journey to the north and east of Siberia. Part 2: The North and the East of Siberia in Natural-Historical Attitudes. Part 6. The Natives of Siberia. (An End to the Whole Essay)]. St.Petersburg: izd-vo Imp. akad. nauk, 1878. 821 p. (in Russ.)
21. Nikolaev D.A. From the history of mammoth ivory trade in Yakutia (XIX - the beginning of XX century) // *North-Eastern Humanities Bulletin*, 2019, № 4(29), P. 35–39. (in Russ.)
22. Pashkevich N. About mammoths and not only about them // *Socialist Yakutia: newspaper*, Yakutsk, 1989, June 13, p. 3. (in Russ.)
23. Pekarskii E. Dictionary of the Yakut language. Leningrad: Izd.Akademii nauk SSSR, 1925. t. 3, ch. 1, vyp. 7, stb. 1635. (in Russ.)
24. Potravnyi I.M., Protopopov A.V., Gassii V.V. Extraction of mammoth tusks as a type of traditional nature management // *The Arctic: Ecology and Economics*, 2020, № 1(37), P. 109–121. (in Russ.)
25. Prokop'eva A.N., Sleptsova A.A. Products of mammoth tusk in Yakutia in XVIII century (on materials of funerary monuments) // *Problems of socio-economic development of Siberia*, 2020, № 3, P. 110–115. (in Russ.)
26. Prokopyeva A.N., Yakovleva K.M., Sleptsova A.A. Mammoth tusk ornaments in Yakut culture: retrospective analysis and modern state // *Genesis: Historical Studies*, 2021, № 11, P. 120–132. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.11.36795 (in Russ.)
27. Register of valid licenses for collection of paleontological collection materials] // *Ministry of Industry and Geology of the Republic of Sakha (Yakutia)*. URL: <https://minprom.sakha.gov.ru/nedropolzovanie/reestr-dejstvujuschij-litsenzij-na-sbor-paleontologicheskikh-kollekcionnyh-materialov> (accessed 14 September 2021) (in Russ.)
28. Serikov Yu.B., Serikova A.Yu. Mammoth in myths, ethnography and archeology of Northern Eurasia // *Russian archeology*, 2004, № 2, P. 168–172. (in Russ.)
29. Sleptsov A.O. On the beliefs of the Yakuts of the Yakutsk region // *Bulletin of VSORGO*, t. XVII, № 1-2, Irkutsk, 1886, P. 119–136. (in Russ.)
30. Sleptsov Yu.A. Customs and rituals of the Northern Yakuts - hunters (from archival material)] // *Echo of the Arctic Odyssey: the fate of ethnic cultures in the studies of scientists-north historians*, 2019, P. 78–80. (in Russ.)
31. Sleptsova A.A., Fedorova A.R. History of development of images and subjects in the bone carving of Yakuts] // *Scientific periodical "Problems of socio-economic development of Siberia"*, 2019, № 4 (38), P. 177 (in Russ.)
32. Smirnov A.N., Kirillin N.D., Ivanova Yu.V., Zhurilova M.A. Forgotten mineral of the Russian Arctic - mammoth bone // *Arctic: Ecology and Economics*, 2016, № 1 (21), P. 66–75. (in Russ.)
33. Soshenko A. Tusk fever // *Beacon of the Arctic: newspaper*, Tiksi, 1990, № 1 [5212], January 4, p. 4. (in Russ.)
34. Fedorova A.R., Sleptsova A.A. Reflection of the mammoth image in the spiritual culture of the peoples of Yakutia // *Human and Culture*, 2019, № 6, P. 164–170. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.6.31072 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31072 (accessed 18 October 2022) (in Russ.)

Информация об авторе

Айтали́на Родионо́вна Фе́дорова, аспирант Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия; младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, e-mail: aytap@mail.ru

Information about the author

Aitalina R. Fedorova, Postgraduate Student, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; Junior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, Yakutsk, Russia, e-mail: aytap@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 09.09.2022

Доработана после рецензирования

(Revised) 05.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 23.11.2022